

КОНСПЕКТЫ ПО ГЕОПОЛИТИКЕ 5

Александров Н.Н.

Н.С. Трубецкой

Николай Сергеевич был сыном русского религиозного философа С.Н. Трубецкого. Окончил Московский университет в 1913 г., слушал лекции в Лейпцигском университете.

В эмиграции жил в Софии, Праге и Вене, где в 1930 г. был избран членом Венской Академии наук.

Трубецкой был не только крупным лингвистом, он интересовался также философией истории. Его перу принадлежат груды, оказавшие огромное влияние на евразийское движение: «Европа и Человечество», «О туранском элементе в русской культуре», «К проблеме русского самопознания», «Об истинном и ложном национализме», «Наследие Чингисхана» и др.

Этот аристократ и европейский интеллеktуал объяснял содержание культурного переворота XX столетия кризисом и исчерпанностью западно-европейской культуры, видя в ней угрозу остальному человечеству. Ответственность за безудержную европеизацию России он вложил на русскую интеллигенцию, насильственно разрушающую самобытную отечественную культуру.

В концепции культурно-исторических зон Трубецкой предупреждает: «Момент оценки должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими произвольно, ненаучно, наивно».

Этот учёный писал: *«Коммунизм на самом деле является искажённым вариантом европеизма и его разрушения духовных основ и национальной уникальности русского общества, в распространении в нём материалистических критериев, которые фактически правят Европой и Америкой...»*

Наша задача создать полностью новую культуру, нашу собственную культуру, которая не будет походить на европейскую цивилизацию... когда Россия перестанет быть искажённым отражением европейской цивилизации... когда она снова станет самой собой».

По мнению Трубецкого, евразийские народы связаны с общностью исторической судьбы: *«Отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путём искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям».*

Среди великих людей II тысячелетия от Рождества Христова чаще сего первым среди первых называют Чингисхана, установившего геополитический контроль над Великой Евразийской степью».

Н.С. Трубецкой в труде «Наследие Чингисхана» перечисляет следующие традиции, взятые за основу создателем единого евразийского геополитического пространства средневековья:

- деление людей на подлых, эгоистичных, трусливых, и тех, кто ставит свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия;
- сочетание глубокой религиозности с веротерпимостью к христианам, мусульманам, буддистам и сторонникам других конфессий;
- повышение уважения к кочевникам, морально превосходящим покорённые оседлые народы.

В статье «Об истинном и ложном национализме» Трубецкой отмечает, что истинный национализм состоит не в заимствованиях у чужих народов или в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в истине самопознания.

Л.Н. Гумилёв следующим образом интерпретирует **концепцию культурно-исторических зон** Н.С. Трубецкого, согласно которой *контакт на суперэтническом уровне давал негативные результаты*: **«Евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных зонах оказались пригодной для интерпретации всемирно-исторических**

процессов. Там, где сталкиваются два и более суперэтнуса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание как противник оригинальности, и таким образом нарушается принцип «познай самого себя» или «будь самим собой».

* * *

По замыслу евразийцев, их идеи должны были естественным путем вытеснить большевистские идеи и переродить СССР в евразийскую Россию. Но эти надежды евразийцев не оправдались, им постепенно пришлось умолкнуть, часть их эмигрировала за океан, часть оказалась в немецких лагерях, остальные – в советских.

Примечательно, что при этом советская геополитика явно использовала мысли Савицкого и других евразийцев, а также близких к евразийцам сменовеховцев и национал-большевиков (Н. Устрялов). Эти идеи явно влияли на Сталина, который вообще умело использовал весь идейный багаж как своих недругов, так и конкурентов. Вся советская внешняя политика до начала перестройки следовала именно евразийскому курсу. Растерянность и пустота наступили после 1991 года, когда важнейшие геополитические позиции одна за другой сдавались без боя. А ведь за ними стояла работа многих поколений русских мыслителей и людей власти. Последним крупным геополитическим ударом стало одностороннее расширение НАТО.

Современное неоевразийство основывается на идеях прежде всего этого многогранного кружка, добавляя к ним некоторые положения идеолога русского национал-большевизма Н. Устрялова.

«Государство, таким образом, есть явление сложное, как сама жизнь. Оно есть форма жизни, живое синтетическое единство. Бывает, что оно обращено к нам какой-либо одной стороной, одним из своих элементов. Слово народ обозначает государство, рассматриваемое преимущественно с точки зрения составляющих его людей; слово страна или земля – государство, главным образом, в аспекте территории; держава – государство под углом зрения власти и властных отношений; и, наконец, правительство есть госу-

дарство, изучаемое специально с точки зрения его правящих органов». Н. Устрялов.

О теории Л.Н. Гумилева, примыкающей к евразийству, мы уже писали ранее.

Траектории современной российской геополитики

Учебники. Современные российские исследователи активно осваивают новый для них предмет. Первым в этом ряду следует назвать **А. Дугина**, материалы которого мы здесь постоянно используем и о котором речь впереди.

Автором одного из первых вузовских учебников по проблемам геополитики стал **К.С. Гаджиев**. Если судить по приводимым им определениям геополитики как особой дисциплины у других современных русских авторов, то они сводятся к весьма небольшому набору определений, например «использование государствами пространственных факторов при определении и достижении политических целей».

По **К.В. Плешакову**, геополитика может быть «определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством».

По **К.Э. Сорокину**, в ней существуют два раздела: «геополитика «фундаментальная», изучающая развитие геополитического пространства планеты, со своей, разумеется, точки обзора, и «прикладная», вырабатывающая принципиальные рекомендации относительно генеральной линии поведения государств или группы, государств на мировой сцене». Последнюю К.Э.Сорокин считает возможным именовать «геостратегией».

Что касается учебника по геополитике **Ю.В. Тихонравова**, в нем не содержится чего-то принципиально иного, чем у только что рассмотренных авторов. Это издание в целом носит скорее справочный характер, хотя из недавно опубликованного оно лучшее в смысле полноты обзора.

* * *

Настоящий геополитический «ренессанс» начался в России в 1990-е годы, что было связано как со снятием идеологических барьеров, так и с общеполитическим кризисом, заставившим искать новую формулу государственной и, в частности, геополитической идентичности России. Конкурирующие идеологические модели предполагали и возникновение целого спектра геополитических доктрин.

Современные версии «евразийской» ветви геополитики излагаются в многочисленных работах А. Дугина, С. Кургиняна и Г. Джемаля (в политико-религиозной трактовке). Собственную оригинальную – эвристичную – версию классических геополитических представлений о России предложил В. Цымбурский (концепты «Острова России» и «Великого Лимитрофа»).

* * *

Наибольшую славу, отчасти скандальную, снискала концепция **Александра Дугина**, в «Основах геополитики» синтезировавшего в своем идеолого-мифологическом геополитическом проекте идеи Маккиндера, Хаусхофера, Шмитта и «новых правых» и евразийцев. Россия-Евразия для него – центр сухопутной, континентальной силы, в извечной борьбе Суши и Моря. Миссия России в противостоянии морскому «атлантизму», представленному США, в создании единой Евразийской империи, где против «общего врага» выступают и Европа, и Япония, и исламский мир, в общем – все культуры, в которых есть тяготение к Абсолютному началу. Созданная усилиями России Евразийская империя должна на первом этапе привести к возникновению новой биполярности, а затем – к победе Суши над Морем. Фактически Дугин конструирует идеологию «срединного государства», играющего крупную роль в построениях западных геополитиков первой половины века – прежде всего Маккиндера и Спайкмена. Все, что эти авторы обозначают как потенциальную угрозу Западу, Дугин предлагает превратить в реальность.

А. Дугин является одним из самых плодовитых авторов, обладающих собственной концепцией. Это делает его тексты не просто справочником по

множеству вопросов развития социума, это во многом остро-политические и публицистические тексты.

* * *

Работа Вадима Цымбурского «Остров Россия» обозначила формирование прямо оппозиционную неоевразийскому «изоляционистского» лагеря. В рамках «цивилизационной геополитики» Цымбурский постулирует существование устойчивых цивилизаций, каждая из которых располагается на своей «цивилизационной платформе», зоне устойчивого контроля, вторжение на которую для других цивилизаций затруднено. Цивилизационные платформы разделены межцивилизационным пространством стран и культур «лимитрофов», не имеющих однозначной и цивилизационной идентичности и служащих зоной экспансии цивилизаций. Российская цивилизационная платформа отделена от других сплошным поясом «Великого Лимитрофа» – межцивилизационного пространства, выступающего в качестве объекта русской имперской экспансии. Истоки кризиса российской имперской системы по Цымбурскому состоят в том, что Россия систематически занималась «похищением Европы», попытками геополитической игры на европейской цивилизационной платформе, и даже предпринимала усилия по ассимиляции Европы, что было русским явно не под силу. «Уход» России из Европы и утрата доминирования в Великом Лимитрофе должны, по мнению геополитика, стать толчком для реализации проекта «Острова России», замыкания России на своей геополитической платформе и ее освоения (прежде всего Сибири и Дальнего Востока), для чего Цымбурский даже предлагает перенос столицы в Сибирь. Дальнейшее увлечение глобальными внешнеполитическими проектами может привести, по мнению Цымбурского, к окончательному надрыву.

Главная претензия, предъявляемая критиками к Цымбурскому, – это мнимость «островного» положения России; спокойное саморазвитие Острова, по их мнению, невозможно, поскольку Россия даже в нынешних границах очень скоро станет жертвой геополитического давления конкурентов.

В конце XX столетия в СССР/России возникла тенденция к расширительному толкованию предмета, метода и функций геополитики. Так, А. Лазарчук и П. Лелик описали «нервную систему» государственного сверхорганизма.

С.Б. Переслегин в 1998 году предложил аналитический подход к понятию «цивилизация», альтернативный индуктивному методу, используемому Н. Данилевским, С. Хантингтоном и др. Путем синтеза геополитических и общестратегических представлений он сформулировал основополагающую геополитическую «транспортную теорему», предсказал резкое изменение характера террористических операций в начале XXI века, поставил под сомнение территориальную целостность Украины (2002 г.) и Европейского Союза (2003 г.).

На рубеже XX-XXI вв. теоретические вопросы геополитики изучались методологами (П.Г. Щедровицкий, исследовательские группы «Мертвая вода» и «Конструирование Будущего»). С. Градировский ввел фундаментальное понятие **антропотока** и вывел геополитический закон, связывающий вектор антропотока с градиентом капитализации территории. В тот же период С. Переслегин, Е. Переслегина, С. Боровиков связали понятие антропотока с переносом идентичности и описали аккреционную и фазовую формы антропотока, сформулировав важную «демографическую теорему» и вытекающую из нее «теорему о фазовом балансе». Обобщением учения о цивилизациях стала практически важная **концепция этнокультурных плит** (С. Переслегин).

Для методологического сообщества был характерен повышенный интерес к практическим, в том числе экономическим и нормативным, аспектам геополитики. Этот интерес вылился в исследование В. Глазычева «Глубинная Россия» (2000-2002) и аналитический доклад ЦСИ ПФО «Новая регионализация России» (2000), положенный в основу ряда региональных стратегий развития.

В 1980-х гг. возникла и начала активно развиваться геоэкономика (А. Неклесса и др.). В. Княгинин предложил важную именно в ее геополитических аспектах модель геоэкономического баланса. Под руководством Ю. Перельгина создан первый в XXI столетии обобщенный «Геоэкономический атлас по энергетике».

Статус отдельной дисциплины приобрела геокультура (И. Валлерстайн и др.). С. Боровиков предложил объединить «рамки» геополитики, геоэкономики, геокультуры в единую **геопланетарную рамку** (гео*), описывающую мышление с неограниченной пространственной и ограниченной временной компонентами («везде, но сейчас»), в этом смысле префикс гео* тождествен префиксу эко*, а *геополитика оказывается составной частью глобальной экологии.*

Россия или Китай?

Анализируя современную раскладку сил С.Б. Переслегин пишет, что есть только две страны теоретически (и практически) способных бросить перчатку Западу, создать «охранительную» социально-экономическую модель глобальных масштабов. Это – Китай и Россия.

Пока шансы Китая предпочтительнее. Китайская Народная Республика – динамично, хотя и не без проблем, развивающаяся держава с неуклонно крепнущей экономикой и постоянно модернизируемой армией, держава, которая достаточно успешно подчиняет себе Юго-Восточную Азию. Вот уже несколько тысячелетий (с небольшими сравнительно перерывами) Китай является империей – Империей с большой буквы. Её функционирование определяется фундаментальной доктриной, основанной на конфуцианстве с его абсолютно неевропейским представлением о гуманности и учениях крупнейших и наиболее удачливых политиков древности (Шан Ян), доктриной, которая лишь укрепила себя своеобразно по-китайски истолкованным марксизмом-ленинизмом. В международных отношениях эта доктрина ориентирована на вековую культурно-политическую экспансию.

Как известно, Китай обладает неограниченным человеческим, огромным интеллектуальным, военным и экономическим потенциалом, значительными запасами природных ресурсов, входит в пятерку ведущих ядерных держав мира, располагает хорошо отлаженными каналами для распространения своего влияния в странах «третьего мира» и является политическим оппонентом Запада. В последнее десятилетие он всё сильнее «поджимает» Запад экономически, тесня его на рынке дешевых товаров массового потребления.

Поэтому Китай имеет неплохие шансы пробиться в мировые лидеры, а его социально-государственная доктрина может стать основой для создания альтернативной нелиберальной доктрины глобальной значимости.

Однако доктрина эта, несущая на себе неизгладимую печать восточно-азиатской ментальности, для всемирного усвоения кажется не вполне подходящей: слишком специфична она для людей, не обладающих соответствующим строем мышления и жизненного уклада.

Не является абсолютно выигрышным и геополитическое положение Китая. То, что он находится в зоне, которой пророчат наиболее динамичное развитие в XXI-м веке – в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона, для него чрезвычайно выгодно, но такое расположение Китая – на восточной окраине Евразийского континента, на периферии Старого Света вообще, существенно затруднит распространение китайского влияния на Ближний Восток, Европу и Африку. Особенно негативна для Китая его отдаленность от Ближнего Востока – важнейшего на нашей планете источника углеводородных энергоресурсов – нефти и газа: любая держава, стремящаяся к мировой гегемонии, должна иметь как можно более прочные позиции в этом регионе.

Кроме того, Китаю для борьбы за мировое лидерство будет недоставать собственных природных ресурсов, запасов промышленного сырья. Однако всё это находится у него под боком – в Сибири и в Казахстане. Если Китай сумеет в ближайшие 30-50 лет установить контроль над Казахстаном, центральноазиатскими государствами (Киргизией, Узбекистаном, Таджикиста-

ном, Туркменией) и Сибирью, то можно будет с уверенностью сказать, что по окончании эры глобального превосходства Запада начнется эра планетарного лидерства Китая, потому что в этом случае он приобретет не только необходимую ему ресурсную базу, но и геополитический трамплин для прыжка к переднеазиатской нефти и газу, а также заметно приблизится к границам Европы и Африки.

Чем располагает Россия?

Наиболее выгодным геополитическим положением. Занимая север Евразии, она как бы нависает над всем Старым Светом – крупнейшим на земном шаре массивом суши, на котором сосредоточена большая часть населения и экономики нашей планеты, и соприкасается со всеми цивилизациями, здесь расположенными (исключая второстепенную Черную Африку); расстояние от границ России до любой точки Старого Света меньше, чем от границ Китая. Как и последний, Россия имеет выход в богатую перспективами зону Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме того, близка она и к территории Американского континента. Однако в последние годы границы России заметно отодвинулись от Ближнего Востока и от Европы, и это существенно уменьшило выигрышность её геополитического положения. Безусловным минусом для России является наличие слишком протяженной и малонаселенной границы с миллиардным Китаем; активизация китайского элемента на Дальнем Востоке (да и в Сибири) становится всё более зловещей и ощутимой.

Россия имеет значительный людской и всё еще значительный интеллектуальный потенциал. Однако удручающая демографическая ситуация в стране, уменьшение её населения и его старение, «утечка мозгов», хроническое недоиспользование высококвалифицированных кадров вкупе с известной расшатанностью системы образования в России существенно ослабляют мощь её «человеческого фактора».

Огромный сырьевой потенциал России. Общеизвестно, что весьма заметная доля планетарных запасов самых разнообразных ресурсов сосредото-

точена на территории нашего Отечества. Значимость данного фактора будет возрастать на протяжении всего XXI века, по мере обострения глобального сырьевого кризиса. Однако этот великий «плюс» в большой степени съедается отдаленностью, труднодоступностью большей части имеющихся природных богатств, слабой освоенностью земель, где они находятся: малой их заселенностью, недостаточным развитием необходимой для их эксплуатации инфраструктуры (транспорта, связи и т.д.).

Могучая традиция имперской державности, давнее (со времен окончания Северной войны Петра I) пребывание России в числе великих держав планеты. Россия, собственно говоря, и строилась как великая, т.е. мировая держава. Она создавала весьма оригинальный тип государственности, который претворил в себе, помимо особенностей русского национального духа, имперские традиции самых различных культур и народов: византийцев, домонгольских кочевников, самих монголов, получивших прививку китайского великодержавия, и немцев. Укрепление государственного начала, стоящего над аморфной гражданской массой, было доминантой исторического пути России, она на протяжении почти что семисот лет именно на этом концентрировала главные свои силы, отвлекая на развитие всей остальной культуры и повышение жизненного уровня своего народа лишь необходимый им минимум. Сейчас российская государственность тяжело хворает, она не может (или не хочет, что также является симптомом серьезной болезни) справиться с сепаратизмом на Кавказе, пассивно наблюдает и даже экономически поощряет сецессионные тенденции в Поволжье и Приуралье (Татарстан, Башкирия), позволяет ущемлять свои интересы странам как Дальнего, так и Ближнего Зарубежья. Означает ли эта пассивность завершение многовековой тенденции исторического бытия России? Поживём – увидим, однако необходимо отметить, что Россия прошла через несколько серьезных кризисов своей государственности, в том числе – и более катастрофических, чем нынешний (Смутное время, 1917-1918-й годы), но её имперская мощь после их преодоления лишь усиливалась. Не исключено, что и на этот раз политическая ане-

мия российской державности через два-три десятилетия завершится её укреплением.

Крупная армия, колоссальный ракетно-ядерный щит. Однако «щит» благополучно ржавеет, изнашивается, обычные вооружения модернизируются относительно слабо, и вообще сила и слава российской армии в настоящее время живут главным образом лишь на страницах учебников истории. Вернуться в полном объеме и с новым блеском они могут только с усилением державно-государственного начала.

Суммируем: в кратко- и среднесрочные перспективы у Китайской «республики» намного радужней, чем у России, и именно ей будет принадлежать тактический перевес в течение нескольких ближайших десятилетий, в которые, вероятно, и решатся судьбы грядущего мирового порядка – как со стороны Запада, так и со стороны Востока.

Но есть еще один неучтенный фактор, который для отечественных консерваторов является безусловным «минусом», но который в глобальной геополитической игре, скорее всего, окажется «плюсом». Речь идет о гораздо более полной, по сравнению с Китаем, потере Россией своих национальных традиций, своей исконной культуры, её ориентиров и установок. Это увеличивает пригодность России на роль потенциального мирового лидера, и вот почему. Россия, в значительной мере утратив собственную этническую, культурно-обособливающую специфику, отгораживавшую её от «современного», т.е. западного мира, в большей степени, чем «Поднебесная», усвоила его универсализм – ту космополитическую «всеядность» и «всепригодность», которые позволили Западу занять ключевые позиции на планете. Она сама стала носительницей, «излучателем» этого универсализма (и космополитизма) в сфере своего идейно-политического влияния. Китаю превратиться в носителя космополитического универсализма мешают остатки его национально-культурного, цивилизационного багажа, не истребленные ни «буржуазными», ни социалистическими революциями, происходившими в нем. Поэтому скорее Россия, а не Китай, способна сыграть в новейшей истории роль,

которую в античности сыграл Рим, создавший мировую державу, просуществовавшую почти 700 лет. Стратегическая задача России в XXI веке – сделать свои социально-политические институты пригодными для эффективного управления разнокультурным и многонациональным организмом глобальной империи, уладив для начала с их помощью внутригосударственные конфликты. Тогда она действительно станет новым Римом – третьим и последним. В противном случае нашу страну постигнет судьба греко-македонской державы: Россия распадется на ряд уделов с самостоятельными правителями во главе, которые затем подчинятся Западу и Китаю, подобно тому, как эллинистические царства преемников Александра Великого подчинились Риму и Парфии.

ГЛОССАРИЙ

Аэрократия – греч. «власть посредством воздуха». Силовой компонент стратегии, основанной на освоении воздушного пространства и его использовании в целях геополитической экспансии. Развитие авиации, в отличие от развития мореплавания, своего собственного номоса не породило, став лишь развитием талассократического принципа.

Внутренняя ось – качество геополитической связи центра с периферией внутри единого стратегического (или политического) пространства. См. также геополитический луч и геополитический отрезок.

Геополитический луч – вектор силового (экономического стратегического, культурного, хозяйственного, административного и т.д.) воздействия геополитического полюса на периферийные регионы. Реальная политическая картина мира в статическом состоянии оперирует с геополитическими отрезками. В геополитике принято говорить о лучах, как об открытом динамическом процессе постоянно длящегося импульса.

Геополитический отрезок – совокупность отношений стратегической столицы (или геополитического полюса) с периферийными регионами, рас-

смотренная в конкретный исторический момент без учета общей динамики политических процессов. См. также геополитический луч.

Граница – в геополитике существует два вида границ: граница-линия и граница-полоса. Граница-линия представляет собой морскую границу. Граница-полоса – сухопутную. Задача геополитического блока, претендующего на действия в планетарном масштабе, сделать границы-линии максимальными для себя и минимальными для соперника, и наоборот.

Дисконтинуальный пояс – термин Коэна. Разорванные береговые зоны с неопределенной, вариабельной ориентацией, могущие повернуться как к теллурократическому континенту, так и к талассократическому морю.

Интеграция – в геополитике означает многообразные формы объединения нескольких пространственных секторов. Интеграция может осуществляться как на основе военной экспансии, так и мирным путем. Существуют несколько путей геополитической интеграции – экономический, культурный, языковой, стратегический, политический, религиозный и т.д. Все они могут привести к одинаковому конечному результату – увеличению стратегического и пространственного объема блока.

Меридианальная экспансия (экспансия по оси Север-Юг) расширение сферы влияния (военного, стратегического, культурного или экономического) вдоль меридиана (также долготная экспансия), основное условие территориальной и стратегической стабильности государства.

Меридианальная интеграция (интеграция по оси Север-Юг) – связывание отдельных пространственных секторов в единое целое по меридиану (также долготная интеграция). Позитивна в случае уверенного контроля над северными и центральными областями. Негативна в случае нахождения на севере или в центре геополитических образований, чья лояльность стратегической столице сомнительна или слаба.

Минимальная геополитика – прикладная дисциплина, заимствующая от подлинной геополитики некоторые термины и методику, но оставляющая в стороне базовый геополитический дуализм.

Многополярный мир – на современном этапе чисто теоретическая концепция, предполагающее сосуществование нескольких Больших Пространств. Возможен только после преодоления однополярного мира.

Пассионарность – термин Гумилева. Внутренняя энергетика этноса, движущая сила культурного, политического и геополитического созидания.

Прикладная геополитика – термин Лакоста. Использование геополитического инструментария применительно к микропроблемам регионального уровня без учета основополагающих принципов. Также минимальная геополитика.

Пространственной прогрессии закон – сформулирован Жаном Тириаром. Звучит так – «от государств-городов через государства-территории к государствам континентам». Географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований.

Регионализм – ориентация на автономность периферийных пространств. Имеет несколько форм – экономическую, культурную, политическую и стратегическую.

Сакральная география – совокупность представлений о качественном пространстве у древних. Современная геополитика руководствуется типологически сходным понимаем пространства, только выражает это в рациональной естественно-научной форме.

Столкновение цивилизаций – термин Хантингтона. Теория перманентности и неснимаемости геополитических конфликтов на цивилизационном уровне.

Стратегическая столица (геополитический полюс или источник геополитического луча) – центр геополитической интеграции и активный деятель масштабного геополитического процесса. Связи между стратегическими столицами образуют геополитические оси.

Торговый строй – тип общества, в котором иерархия и стимуляция труда исходят из экономических принципов. Рыночная, либерально-демократическая система. Противоположен идеократии.

Широтная интеграция (интеграция по параллелям) – наиболее уязвимый и сложный момент связывания подконтрольных центру геополитических пространств. Должна осуществляться максимально мирными и дипломатическими средствами. Основана на постепенном присоединении разнородных регионов к центральной части через пространственную иерархию наиболее лояльных центру секторов.

Широтная экспансия (экспансия по параллелям) – агрессивная геополитическая тенденция, неизменно порождающая конфликтные ситуации, геополитическая стратегия наступательного характера. Почти всегда чревата военными конфликтами, осуществляется только после завершения меридианальной экспансии.

Эфирократия – греч. «власть посредством надатмосферных пластов». Доминанция космического оружия. Развитие талассократических и аэрократических тенденций.

Linkage – термин Киссинджера. Атлантистская стратегия по соединению дисконтинуального пояса Евразии в сплошную территорию, подконтрольную Западу.